

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТИРЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

Н. И. Подшивалова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 января 2024 г.

Аннотация: статья посвящена анализу функционирования пунктуационного знака тире в поэтических произведениях Ивана Алексеевича Бунина. Кроме регламентированного тире художник слова употребляет авторское тире, которое выполняет множество функций. Обладая стилистическим и смысловым потенциалом, авторское тире активизирует имплицитные смыслы в предложении. В статье приводится анализ контекстов, демонстрирующих особенности функционирования тире.

Ключевые слова: авторская пунктуация, имплицитные смыслы, пресуппозиция, авторские интенции, коммуникативная установка, тире.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the functioning of the punctuation mark dash in the poetic works of Ivan Alekseevich Bunin. In addition to the regulated dash, the artist of the word uses the author's dash, which performs many functions. Possessing stylistic and semantic potential, the author's dash activates the implicit meanings in the sentence. The article provides an analysis of contexts demonstrating the peculiarities of the dash's functioning.

Keywords: author's punctuation, implicit meanings, presupposition, author's intentions, communicative attitude, dash.

Художественный текст многослоен. Смысловое пространство художественного текста организовано не только самим текстом, но и интенциями автора, и восприятием этого текста читателем. В интерпретации текста, в выявлении его глубинных смыслов, подтекстовой информации важную роль играет пунктуация. По утверждению известного лингвиста Людмилы Михайловны Кольцовой, пунктуация работает «на сближение пресуппозиций читателя и писателя, участвует в экспликации имплицитных смыслов текста, в укрупнении и развертывании неприметного, которое может лежать на поверхности, являясь необходимым, но оставаться незамеченным...» [1, 8]. Пунктуация служит не только для синтаксической организации текста, но и обнаруживает автора в тексте: «участие в произведениях повествователя, а через него и присутствие автора проявляется именно через умелое использование знаков препинания» [2, 91–92].

Современная пунктуация дает большие возможности для художника слова, и, по мнению Н. С. Валгиной, становится «мощным смысловым и стилистическим средством» [3, 111]. Пунктуация в художественных произведениях XX–XXI веков характеризуется нарастающей вариантностью в употреблении знаков препинания, смещением функций этих знаков, «гибкостью, приспособляемостью» к нуждам определенного контекста. Именно эти особенности

современной пунктуации послужили основанием для выделения авторской пунктуации. Рассматривая как «всцело принадлежность художественного текста, одно из мощных изобразительно-выразительных средств наряду с лексикой и грамматикой», лингвисты используют термины «авторская пунктуация», «окказиональная пунктуация», «индивидуально-авторская пунктуация», «авторский знак» [4, 14].

В определении термина «авторская пунктуация» мы следуем за Л. М. Кольцовой: «Авторская пунктуация выступает как совокупность иерархически организованных позиций, маркированных или немаркированных знаками препинания или другими пунктуационными средствами, призванных обеспечивать единство текста и его частей, текстовые связи семантических единиц одного языкового уровня, а также межуровневые связи» [1, 26].

Авторские знаки препинания не предполагают строгих правил расстановки и зависят от намерения автора. «Знаки эти служат созданию экспрессии: либо сообщают динамичность речевому потоку, либо, наоборот, плавность его протеканию, стремительную резкость или лиричность звучания, то есть они несут чисто стилистическую интонацию и являются всецело принадлежностью художественного текста» [5, 165]. Желая быть услышанным и понятым, автор намеренно отступает от традиционного употребления знаков препинания и ищет новые возможности пунктуационного оформления текста для более полного адекватного восприятия художественного текста.

Авторская индивидуальность зачастую проявляется в усилении позиции знака: недостаточно сильные знаки препинания заменяются более сильными с точки зрения расчленяющих свойств. Тем самым повышаются экспрессивные качества художественного текста. Так, нередко запятая вытесняется тире, скобками как более сильными знаками. Смысловые трансформации обнаруживаются и тогда, когда знак препинания оказывается в нестандартных для него синтаксических построениях. Кроме того, зачастую авторские знаки используются писателем для передачи ритмики текста, убыстряют или замедляют его темп, способны передавать эмоционально-оценочные оттенки авторской интонации. Важно отметить, что знаки препинания, выполняя свои основные функции, приобретают в такого рода контекстах еще и дополнительные, то есть становятся функционально обогащенными.

В некоторых художественных произведениях преобладающим оказывается какой-то один пунктуационный знак. Данная особенность сказывается на ритме текста, придает ему своеобразие. Л. М. Кольцова называет такое частотное употребление знаками комплементарной сильной позиции [1, 36]. Индивидуальность писателя определяет использование данных знаков в зависимости от логики текста, приемов компоновки высказывания, текстовой фразировки.

Но стоит подчеркнуть, что возможности авторской пунктуации не безграничны. Только если авторская пунктуация опирается на потенциальные возможности языковой системы, то тогда она оказывается действенной и оправданной [1, 36].

Среди «авторских знаков» особенно интересным оказывается тире. Т. М. Николаева подчеркивает, что тире — «показатель коммуникативной установки пишущего», знак, «прошедший эволюцию от показателя эллиптичности к показателю двучленного высказывания, его активного членения на основу и ядро» [6, 31]. Н. А. Шубина полагает, что тире отражает «степень активизации имплицитных смысловых отношений» [7, 61]. Действительно, данный знак может передавать отношения и следствия, и резкое противопоставление событий, и выделение отдельных компонентов предложения, то есть обладает богатым функциональным потенциалом.

Особую роль приобретает пунктуационный знак тире в поэтических произведениях русского писателя, лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина. Для поэта тире стало не только графическим средством, но и знаком, имеющим значительную смысловую нагрузку.

Цель настоящей статьи заключается в том, что проанализировать поэтические контексты со знаком тире и выявить функциональное разнообразие данного пунктуационного знака.

Поэзия И. А. Бунина, как и проза, отражает богатый внутренний мир писателя, наполненный переживаниями и тонкими оттенками чувства. Отличительной

чертой поэзии Ивана Андреевича является вдумчивое восприятие природы и человека в ней. В поэтическом творчестве И. А. Бунин искал гармонию мира, смысл бытия человека. Он воспринимал человека как закономерную часть природы и считал, «что нет никакой отдельной от нас природы, что каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни».

Отличительной чертой поэтических произведений Ивана Алексеевича Бунина является использование тире, которое выполняет различные функции.

Несмотря на регламентированное употребление тире, автор часто прибегает к нетрадиционному тире. О. В. Александрова считает, что обращение к такого рода нетрадиционной пунктуации в значительной мере характеризует «творческую манеру крупных мастеров слова, которые чаще используют пунктуационные знаки как одно из выразительных средств» [8, 118].

Безусловно, И. А. Бунин употребляет регламентированный знак тире, который обозначает пропуски, например, связки в составном сказуемом: тире между подлежащим и сказуемым: *Земля — вертеп обмана, лжи и зла. («Джордано Бруно»)* [9]. Кроме того, поэт употребляет тире в соответствии с пунктуационными нормами и в эллиптических конструкциях, где пропущен глагол движения: *А бабушка — в качалке, курит... («На Плющихе»); Внизу, в стремнине — глина, пыль, / Щепя и кости с мелким сором («Обвал»); А ей навстречу — желтые сосновые плоты («Плоты»); Над безмолвной долиной — Темной церкви силуэт («Серп луны под тучкой длинной...»); В ее лице — застывшая печаль... («Забытый фонтан»).*

Общеизвестен тот факт, что использование эллиптических предложений связано с соблюдением закона экономии языковых средств: с помощью минимального набора языковых средств передать максимум содержания. Суть эллиптических конструкций сводится к пропуску действия, выполняемого субъектом, которое может быть выражено целой группой глаголов. Условия контекста, наличие общей апперцепционной базы говорящих или говорящего и пишущего позволяют обходиться без некоторых компонентов предложения, которые не наносят содержательный урон предложению, но легко восстанавливаются. При этом воспринимающий восстанавливает не конкретное слово, которое автор предполагал, а его общую семантику. В таком случае пропущенный компонент оказывается малоинформативным, а потому необходимость в нем пропадает.

В пособии Дитмара Эльяшевича Розенталя «Справочник по орфографии и пунктуации» указано, что пунктуационный знак тире в эллиптических предложениях ставится при стремлении автора подчеркнуть обстоятельство места. В таком случае между первой и второй частью предложения возникает пауза [10, 134].

И. А. Бунин, используя тире, предполагает значительную паузу между частями текста, акцентируя наше внимание на смысловой связи соседних компонентов предложения. Тире в таком случае компенсирует пропущенный элемент и привлекает внимание воспринимающего, позволяя ему принимать участие в сотворчестве с поэтом.

Традиционное тире читатель наблюдает в произведениях И. А. Бунина и в случае выделения приложения: *Уж знает Осень, что такой / Глубокий и немой покой — / Предвестник долгого ненастья* («Листопад»); *Умейте же беречь / Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, / Наш дар бессмертный — / речь* («Слово»). В первом из указанных примеров тире стоит перед распространенным приложением, находящимся в конце предложения; во втором — тире оказывается перед одиночным приложением в позиции конца предложения. В обоих случаях приложения отделены тире, поскольку имеют самостоятельность и с помощью них поэт восполняет недостаточность первой части [10, 141].

В стихотворениях И. А. Бунина многочисленны бессоюзные сложные предложения, между частями которых стоит тире. На наш взгляд, такой выбор обусловлен тем, что специфика синтаксической формы бессоюзной конструкции в отличие от союзной заключается в том, что в бессоюзном предложении «упрощен код — нет кодового грамматического средства (союза)... Устранение такого кодового средства ведет... к явному усложнению требований к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций» [1, 59]. Такая форма сложного предложения активизирует творческое сознание читателя, позволяет ему самостоятельно выводить смысловое взаимодействие предикативных частей.

И. А. Бунин активно использует тире в смысловой функции. Такое тире передает целый спектр значений.

В стихотворениях мы обнаруживаем бессоюзные построения, составляющие, между частями которых выявляются смысловые отношения противопоставления: *Душа моя полна восторга и печали — / Я не боюсь могильной темноты...* («Зеркало»); *То не красный голубь метнулся / Темной ночью над черной горою — / В черной туче метнулась зарница...* («Молодой король»); *Не пушки в горах грохочут — / Гром по горам ходит...* (там же). Многочисленны и бессоюзные сложные предложения, в первой части которых сообщается о времени совершения основного действия: *Срок настанет — господь сына блудного спросит...* («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»); *Ветер повеет — они, полусонные, / Колосом спелым шуршат...* («Месяц задумчивый, полночь глубокая...»); *Настанет день — исчезну я...* («Настанет день — исчезну я...»). При пунктуационном оформлении предикативных частей в составе сложных бессоюзных предложений со значениями противопоставления и времени поэт использует регламентированный знак тире.

Однако внушительную группу составляют те бессоюзные сложные конструкции, при оформлении которых наблюдаем авторский знак тире. К таким построениям относятся те, между предикативными частями которых устанавливаются отношения перечисления: *Рассыпался чертог из янтаря, — / Из края в край сквозит аллея к дому...* («Забытый фонтан»); *Родились мы в снегу, — вьюга нас и схоронит...* («Кустарник»); *Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых, / Ненастный день темнел и ночь была близка, — / Грядой далеких гор, молочносиневатых, / На грани мертвых вод лежали облака...* («Мулы»). В подобных структурах тире заменяет пунктуационный знак запятой. Л. М. Кольцова отмечает, что необходимость такой замены у автора возникает при акцентуации внимания «на рематической части высказывания», когда последняя становится «логическим интонационным центром». При таком положении дел смена знака воспринимается как «сигнал расчлененности высказывания». [1, 101]. Так, в конструкции *Снова сон, пленительный и сладкий, / Снится мне и радостью пьянит, — / Милый взор зовет меня украдкой, Ласковой улыбкою манит...* часть, стоящая после тире — рема, смысловой центр высказывания. И. А. Бунин разграничивает смысловое содержание обеих частей: в части до знака тире представлена характеристика сна, а части после тире — содержание самого сна. При такой расчлененности значимой становится вторая часть бессоюзного предложения.

Нерегламентированное тире появляется и в бессоюзных конструкциях, вторая часть которых указывает на причинные обстоятельства того, о чем сообщается в первой части: *Светел день, / Но холодно, — до снега недалеко...* («Отрывок»); *Зверок устал, — взор старичка-ребенка / Томит тоской...* («С обезьяной»). В приведенных предложениях тире заменяет двоеточие. Отметим, что в подобных предложениях после первой части представлен и знак запятой. То есть мы видим пунктуационный комплекс, при этом сочетание знаков позволяет представить интонационный рисунок предложения, центром которого является существенная пауза, возникающая между первой и второй предикативными частями.

Особое внимание Иван Алексеевич Бунин уделяет знаку тире в сложносочиненных предложениях. Частотно тире в тех сложносочиненных конструкциях, вторая часть которых содержит неожиданное присоединение: *Ему хотелось большей высоты — / И бездна смерти бездну довершила...* («Дикарь»); *Я с острова глядел на море и на тучи, / Остановясь в пути, — и горный путь, висясь / В обрыве сизых скал, белел по дикой круче, / Где шли и шли они, под ношею клонясь...* («Мулы»); *День холодный / Угрюм и свеж — и целый день / Скитаюсь я в степи свободной, / Вдали от сел и деревень...* («Не видно птиц. Покорно чахнет...»); *Но стихал / Однообразный бабий плач — и снова / Шли дни труда, покорности и страха...* («Пу-

стошь»). В приведенных примерах знак тире заменяет запятую. Подчеркнем то обстоятельство, что в такого рода предложениях части, отделенные тире, оказываются распространенными. При условной замене авторского тире на запятую мы обнаруживаем линейную последовательность событий, произошедших с героем, которая преподносится нам с перечислительной интонацией. Однако пунктуационный знак тире меняет наше восприятие: между соединяемыми частями возникает пауза, кроме значения присоединения вторая часть приобретает и оттенок следствия. Появление тире связано еще и с попыткой автора сосредоточить внимание читателя на смысловом наполнении первой части сложного предложения, представить картину изображаемого, с тем чтобы содержание второй части оказалось закономерным для воспринимающего.

Как знак «неожиданности» тире употребляется И. А. Буниным и в сложных предложениях, между частями которых устанавливаются отношения быстрой смены событий: *Сдернем, сунем в сумочку — и опять в кусты...* («Мужичок»); *Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы / Вечернюю прорезал полумглу / Сквозь черные лучистые ресницы...* («Мы встретились случайно, на углу...»). Значение быстрой смены событий поддерживается лексическим составом предложения. В первом из приведенных примеров автор использует глаголы активного физического действия, во второй части глагол пропадает, но семантика быстрого действия сохраняется. Во втором примере в первой части обнаруживаем по-прежнему глагол физического действия, но в сопровождении наречия, характеризующего это действие, во второй части появляется наречие вдруг, имеющее семантику внезапности. Тире знаменует переход к действию, которое оказывается конечным.

Кроме того, тире появляется и тогда, когда вторая часть сложносочиненного предложения имеет значение следствия, что поддерживается лексическим наполнением второй части, где появляется вводный компонент значит, следовательно: *Толчется сеткой мошара, / Шафранный свет над полем реет — / И, значит, завтра вновь жара...* («Донник»); *Я стал — и бледным силуэтом / Упала тень моя за мной...* («Сапсан»). В последнем из приведенных примеров тире тем более оказывается значимым, поскольку позволяет не только с большей степенью точности передать семантику следствия, но и замещает глагол восприятия.

Нередки и случаи, когда тире актуализирует вывод. В таком случае вторая часть сложносочиненного предложения оказывается лексически наполненной и семантически обогащенной, в отличие от первой части: *Всходит месяц, — и в дивном покое / Замирает морозная полночь...* («Крещенская ночь»); *Глядишь — и бездной голубою / Небес осенних глубина / Как будто тает над тобою...* («Зеркало»). В тако-

го рода конструкциях первая часть зачастую представляет собой нераспространенное односоставное предложение.

Авторский знак тире у И. А. Бунина встречаем и в сложноподчиненных структурах. И. П. Распопов утверждал, что употребляется тире в сложноподчиненных предложениях чаще, чем в сложносочиненных, поскольку они представляют собой «абсолютно цельное коммуникативно-синтаксическое образование» [11, 70]. Такие конструкции можно разделить на две части, одна из которых является темой, а другая становится ремой предложения. Тогда тире оказывается пограничной зоной для этих двух частей. Для автора в таком случае оказывается важным указать тема-рематическую связь, поэтому способы соотношения, а именно позиция главной и придаточной частей по отношению друг к другу, роли не играют. Однако в лирических произведениях И. А. Бунина мы находим незначительное количество сложноподчиненных предложений, между частями которого автор использует знак тире. Как правило, знаком тире отделяются придаточное времени и условия, когда они оказываются в препозиции по отношению к главной части: *И когда всю степь пожаром / Красный сполох озаряет, — / В поле чей-то призрак темный, / Величавый и огромный, / На мгновение вырастает...* («Последняя гроза»). В условиях осложнения обособленными определениями главной части предложения тире позволяет отделить придаточную часть не только графически, но и интонационно. Между частями возникает существенная пауза.

Наблюдаются и случаи употребления тире после главной части сложноподчиненного предложения: *Я умираю — ибо так хочу...* («Джордано Бруно»). В данной структуре тире становится опять знаком «неожиданности», поскольку в придаточной части обнаруживаем неестественную, алогичную причину событий, происходящих в первой части. Тире становится своего рода границей между логичным и нелогичным.

Неожиданными с точки зрения пунктуационного оформления оказываются предложения, в которых тире ставится перед сравнительным оборотом с союзом как: *Повсюду блеск, повсюду яркий свет, / Песок — как шелк...* («Детство»); *Нога — как трость...* («Художник»); *Лагуна возле Ранны — как сапфир...* («Цейлон»). И в данном употреблении тире передает, с одной стороны, некоторую отрывистость повествования, с другой, — тире знаменует собой паузу, которая нужна для подбора наиболее подходящего оборота. То есть читатель оказывается словно соавтором поэта, так как процесс творения произведения разворачивается здесь и сейчас.

Иногда тире, активизируя ритм стихотворения, выполняет выделительную функцию, особенно в тех случаях, когда тире используется неоднократно. Так, в стихотворении «Сапсан» тире как знак горизонталь-

ной черты употребляется с целью создания импульсивного, эмоционального, динамичного повествования. И. А. Бунин описывает сапсана в его скоростном движении: два однородных сравнительных оборота отделяются знаком тире с целью сосредоточить внимание на объектах сравнения, благодаря чему поэту удается приблизить читателя к наиболее достоверному пониманию авторского замысла: *И был он страшен, непонятен, / Таинственен, как этот бег / Туманной мглы и светлых пятен, / Порою озарявших снег, — / Как воплотившаяся сила / Той Воли, что в полночный час / Нас страхом всех соединила — / И сделала врагами нас...* («Сапсан»).

Пунктуационным знаком тире отделяется один из группы однородных членов предложения: *Ты, мать-земля, душе моей близка — / И далека...* («Джордано Бруно»); *Она меня простила — и забыла...* («Мы встретились случайно, на углу...»); *Вдоль по песку на блеске моря скачет — / И что-то прячет, прячет...* («Руслан»); *Зарю она улетела за дальний Дунай — / И горе забудет...* («Рыбалка»).

У поэта пунктуационная организация многих отрывков поэтических произведений направлена на выражение определенного смысла. Так, в строках *И забуду я всё — вспомню только вот эти / Полевые пути меж колосьев и трав — / И от сладостных слез не успею ответить, / К милосердным коленям припав* («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...») тире — знак, способный передать протяженность сквозь время, знак воспоминаний. Горизонтальной чертой поэт словно соединяет потускневшие события прошедшего.

Таким образом, тире в поэтических произведениях Ивана Алексеевича Бунина оказывается функционально обогащенным пунктуационным знаком. Поэт использует тире в стандартных позициях, регламентированных пунктуационными правилами. Тире в таком случае реализует грамматическую функцию: появляется между подлежащим и сказуемым, обозначая пропуск связи в составном сказуемом, в эллиптических предложениях, замещая глагол восприятия. Функции авторского тире значительно богаче: тире выполняет актуализирующую

функцию (актуализирует различных типы семантических отношений между соединяемыми частями), смысловую функцию, способствуя появлению дополнительных смыслов между частями предложения, ритмическую функцию, организуя особую мелодику поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольцова Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Л. М. Кольцова. — Воронеж, 2007. — 377 с.
2. Плисенко А. А. Знаки препинания как средство экспрессивности в художественных текстах (на примере тире) / А. А. Плисенко // Проблемы стилистики и прагматики высказывания и текста: межвуз. сб. науч. тр. — Иркутск: ИГЛУ, 1997. — С. 91–96.
3. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — М.: Высшая школа, 2004. — 259 с.
4. Канафьева А. В. Функции авторской пунктуации в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Канафьева. — М., 2000. — 121 с.
5. Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации / Н. С. Валгина. — М.: Просвещение, 1983. — 175 с.
6. Николаева Т. М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. — М.: Наука, 1979. — С. 26–44.
7. Шубина Н. Л. Пунктуационная система современного русского языка: Лекции / Н. Л. Шубина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб.: Образование, 1993. — 77[1] с.
8. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: Учеб. Пособие / О. В. Александрова. — М.: Высшая школа, 1984. — 211 с.
9. Бунин И. А. Все стихотворения Ивана Бунина. Русская поэзия / И. А. Бунин. — Режим доступа: <http://russian-poetry.ru/PoetF.php?PoetId=16>
10. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация / Д. Э. Розенталь. — 2-е изд., перераб. — М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. — 367 с.
11. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса / И. П. Распопов. — Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1973. — 220 с.

Воронежский государственный университет
Подшивалова Н. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: novinatil@yandex.ru

Voronezh State University
Podshivalova N. I., Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language Department
E-mail: novinatil@yandex.ru